
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

A.I. Yegorov, A.M. Gudgold
**The “Soft Power”: The German
Experience of Implementation**

The nature and purpose of the “soft power” in foreign policy are identified, and its structure is analyzed. By the example of the United Germany the author examines the successful experience in the use of the “soft power” key tools, including image, ideology, culture, and education.

Key words and word-combinations: “soft power”, attractiveness, culture, Germany.

Выявляются сущность и назначение «мягкой силы» во внешней политике, анализируется ее структура. На примере объединенной Германии исследуется успешный опыт применения ключевых инструментов «мягкой силы», включая имидж, идеологию, культуру, образование.

Ключевые слова и словосочетания: «мягкая сила», привлекательность, культура, Германия.

DOI 10.22394/1682-2358-2017-1-25-32

УДК 323(4/9)
ББК 66.3(4/8)

А.И. Егоров, А.М. Гудгольд

«МЯГКАЯ СИЛА»: НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ

В последнее время переходит в открытую фазу латентная борьба между двумя группами факторов обеспечения и продвижения национальных интересов в мировой политике. Первая группа, основанная на использовании военно-силовых средств, стремительно расширяет сферу своего применения. Другой группе, включающей инструменты «мягкой силы», зачастую отводится второстепенное место, однако сбрасывать ее со счетов невозможно. Обострение международной обстановки не может продолжаться бесконечно долго. На смену ему неизбежно придет смягчение мирового политического климата, что укрепит позиции «мягкой силы» и тех акторов мирового процесса, которые смогут открыть в ней дополнительные резервы, а также их использовать.

В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом

Президента РФ В.В. Путина 30 ноября 2016 г. заявлено: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов “мягкой силы”, прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [1].

Вместе с тем усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом [2].

На наш взгляд, «мягкую силу» необходимо рассматривать не только в качестве потенциального источника тактических и стратегических угроз для страны, но и как эффективный инструмент продвижения ее интересов на международной арене. В силу гибкости характера и в зависимости от складывающейся ситуации и целеполагания «мягкая сила» обычно используется в разумном сочетании с традиционными (жесткими) элементами внешней политики государства. Недооценка влияния «мягкой силы» со стороны органов государственной власти, а также отсутствие грамотной стратегии в сфере развития и применения собственных ее ресурсов способны негативно повлиять на устойчивость политической системы страны, вызвать подрыв легитимности действующих органов власти, породить сомнения в правильном выборе социально-экономического строя и в худшем случае вызвать центробежные процессы в государственной жизни.

Что касается возможной смены культурно-цивилизационной парадигмы развития, то «мягкая сила» может косвенно внести свой вклад при одновременном нарастании запроса на такое изменение со стороны гражданского общества.

Главный смысл «мягкой силы» заключается в формировании привлекательности (притягательности) субъекта, позволяющей ему приобрести над приверженцем своего рода власть, которая выражается в стремлении последнего приобщиться к источнику силы путем изъявления готовности изменить (скорректировать) свое поведение, а возможно и убеждения. При этом приверженец, улавливая импульсы (или нематериальные активы), исходящие от властного субъекта и продуцирующие его привлекательность, впитывает определенные смыслы и образы. В целом «мягкая сила» воздействует на сознание объекта, искусственно подталкивая его к восприятию конкретных ценностей и установок.

Компоненты «мягкой силы» разнообразны, их нужно использовать системно, учитывая фактор взаимодействия государства с внешней средой. Импульсы, исходящие от последней, могут как носить характер угрозы (санкции, возможность мировой войны с применением обычных и ядерных вооружений), так и содержать предложения о сотрудничестве (проведение переговоров, консультаций, заключение взаимовыгодных международных соглашений).

Исследователи по-разному рассматривают составляющие «мягкой силы». Одни относят к их числу такие: 1) бизнес / инновации (business / innovation) — привлекательность экономики страны в плане открытости, способности к инновациям; 2) культура (culture) — влияние институтов и достижений культуры, распространенность языка, международный охват культурными продуктами страны; 3) правительство (government) — привлекательность модели управления страны; 4) дипломатия (diplomacy) — способность формировать благоприятный национальный нарратив для международной аудитории; 5) образование (education) — привлекательность системы вузовского образования, академическая мобильность [3, с. 77–78]. Другие, анализируя «мягкую силу» в первую очередь как репутационную категорию, предлагают считать ее компонентами репутацию экспортных товаров, репутацию государственного управления, человеческие качества населения, развитие туризма, инвестиции и иммиграцию, историческое наследие страны, ее культуру, условия для бизнеса, популярность медиапродукции, распространенность языка, отношение к внешней политике, развитие науки в стране, репутацию высокопрофессиональных услуг (медицинских, образовательных, финансовых, юридических и др.) [4, с. 17].

По нашему мнению, «мягкую силу» следует рассматривать прежде всего сквозь призму таких элементов, как имидж страны, ее миссия в мире, идеология, культура, права человека, образование, а также публичная дипломатия.

Текущая ситуация на мировой арене такова, что именно ведущий проводник «мягкой силы» (коллективный Запад во главе с США) определяет содержание антиномий «хорошо — плохо» и «справедливо — несправедливо», указывает, какая страна является образцом или изгоем активно распространяемой до последнего времени либеральной демократии, подвигая тем самым остальных участников мирового политического процесса соглашаться с этой интерпретацией в обмен на поддержку со стороны ключевого субъекта «мягкой силы».

Нельзя не видеть, что ресурсные возможности коллективного Запада в области «мягкой силы» значительно превосходят российские. С точки зрения прагматизма продуктивнее взять на вооружение опыт державы, входящей в топ ведущих стран мира и накопившей опыт использования «мягкой силы» в условиях ограниченности ресурсов и сложного международного положения. Показательным примером в этом отношении выступает Германия, доказавшая свою способность решать трудные задачи в сжатые исторические сроки (послевоенное «экономическое чудо», воссоединение в 1990 г., устойчивое лидерство в Европейском союзе на протяжении нескольких десятилетий). Ее успехи выглядят особенно выигрышно на фоне кризисных процессов, охвативших ряд стран в различных регионах мира.

Благодаря отлаженной системе социальной защиты и лояльной миграционной политике федеральных властей объединенная Германия привлекает внимание многочисленных беженцев и переселенцев, количество которых ввиду разрушения государственных структур и военных действий в странах Ближнего Востока и Северной Африки на современном этапе непрерывно растет.

Негласное одобрение вызывает разнообразие форм социального партнерства работников и работодателей и его эффективная поддержка, что находит отражение в сравнительно низкой забастовочной активности. В пользу выбора немецкой модели социального рыночного хозяйства свидетельствуют устойчивое положение немецкой промышленности в целом и ее отдельных отраслей, стабильно высокий уровень образования населения и рейтинг германских университетов в мире, широкая распространенность немецкого языка в странах Евросоюза (прежде всего Центральной и Восточной Европы), успешное решение энергетических проблем без отрицательного воздействия на экологию страны. В 2016 г. британское PR-агентство «Portland» поместило Германию на второе место в списке 30 наиболее влиятельных стран по критерию «мягкой силы» [5], а ее федеральный канцлер А. Меркель в одиннадцатый раз заняла первую строчку ежегодного рейтинга самых влиятельных женщин по версии журнала «Forbes» [6].

Благоприятно для Германии то историческое обстоятельство, что она раньше других великих держав перестала быть обладательницей колоний. В 1919 г. страна утратила статус империи, а следовательно, политической силы, угнетающей другие народы. После окончания «холодной войны» в производство была запущена линейка смыслов, согласно которым германская внешняя политика осуществляется в духе гуманизма, миролюбия и толерантности при одновременном принятии на себя дополнительных обязательств путем участия в миротворческих операциях ООН, стимулирования европейской интеграции и помощи беженцам из неблагополучных стран.

Вместе с тем следует отметить изменчивость позиционирования объединенной Германии во внешней и внутренней среде. Основанием к тому послужили несколько общественно-политических факторов, среди которых необходимо выделить смену правящей коалиции в 1998 г. (вместо консервативно-либерального правительства ХДС / ХСС — СвДП к власти пришел блок СДПГ — Союз 90 / «Зеленые») и переезд федеральных органов власти ФРГ из Бонна в Берлин. 19 апреля 1999 г. в историческом здании германского рейхстага состоялось первое заседание бундестага, после чего в политическом лексиконе стало широко использоваться понятие «Берлинская республика».

С его помощью новые германские власти стремились создать у целевой аудитории ассоциации с противопоставлением Берлина и Бонна — прежней столицы ФРГ. В имиджевом плане первый явно выигрывал, концентрируя такие яркие характеристики, как историческая преемственность, легитимность, динамизм, инновационность и политический размах. В свою очередь, через имиджевые компоненты Берлина Германия стала олицетворять собой полностью суверенное, достигшее единства государство, открытое всему мировому сообществу и не опасющееся острой конкурентной борьбы, с высокими амбициями, простирающимися не только на кратко-, но и на среднесрочную перспективу. Если для прежней ФРГ была характерна оборонительная реакция на вызовы современности, выражавшаяся в осторожных и локальных шагах на мировой арене, то Берлинская республика позиционировалась в качестве державы, смело встречающей глобальные и региональные проблемы и несущей значительную долю ответственности за их решение.

Инновационным элементом в инструментарии «мягкой силы» стала идеология, на которой строилась внешняя политика ФРГ. Речь идет о мультилатерализме, который трактовался как глубокая вовлеченность Германии в систему международных связей и отношений, в первую очередь посредством активного участия в деятельности межгосударственных организаций. Важное место отводилось также многосторонней дипломатии в процессе урегулирования политических проблем любого уровня. При этом приверженцы мультилатерализма указывали на основной критерий его жизнеспособности: умение достигнуть консенсуса в ходе дипломатических взаимодействий. Однако на практике мультилатерализм превратился в новый инструмент воздействия коллективного Запада на ситуацию, что поставило под сомнение ценность суверенитета государств. Более того, мультилатерализм оказался не способен сформировать демократический многополярный международный режим.

Интеграционные процессы, характерные для европейского пространства на протяжении нескольких десятилетий, усиление экономической мощи, а также заслуженное внимание со стороны федеральных и региональных властей выдвинули в качестве эффективного средства из арсенала «мягкой силы» немецкую культуру. Известно, что еще федеральный канцлер В. Брандт называл государственное содействие международным культурным отношениям самой прочной колонной внешней политики ФРГ [7, с. 613]. Дальнейшее участие в серьезных культурных проектах, миссия которых состояла в укреплении взаимопонимания между народами, улучшении общей атмосферы и информационно-коммуникативного фона сотрудничества, позволило вернуть уважение мирового сообщества к немецкой нации как оплоту европейской культуры, накопившему в течение нескольких столетий богатейшие традиции в этой области. В постбиполярный период стремление приобщиться к немецкой культуре продемонстрировали различные народы, в том числе российский, проявлением чего стали беспрецедентные «Российско-германские культурные встречи 2003—2004 гг.». В рамках «Года немецкой культуры в России» прошли мероприятия как в Москве и Санкт-Петербурге, так и в столицах нескольких успешно развивающихся регионов Российской Федерации.

Для германских официальных лиц характерна гибкость в области морали, выступающей частью немецкой политической культуры. Ее содержание в объединенной Германии неоднократно пересматривалось в угоду тактическим политическим интересам. Отражением этой ситуации стало изменение позиции ключевых представителей органов государственной власти и общественных деятелей относительно проблемы обоснования с помощью морали использования военной силы как инструмента достижения целей на международной арене. Если в эпоху «холодной войны» моральные нормы служили обоснованием отрицательного отношения к участию германских военнослужащих в операциях за рубежом, то в дальнейшем они все чаще использовались в качестве аргумента, с помощью которого оправдывались действия федерального правительства и бундестага по использованию подразделений бундесвера за границей.

Культурная политика вносит существенный вклад в определение приоритетов внешней политики Германии, одновременно обеспечивая согласование точек

зрения в области политики, предпринимательства и собственно культуры. Для немецкой политической культуры стало привычным достижение консенсуса основных общественно-политических сил в области позиционирования ФРГ на мировой арене, причем согласие обеспечивается вне зависимости от ценностных установок ведущих партий и их лидеров. Это позволяет повысить эффективность решений в сфере внешней политики, а затем обеспечить мобилизацию финансовых ресурсов (бюджетных и внебюджетных) для реализации задуманных проектов.

Германская экономика на протяжении всего послевоенного периода носит экспортно ориентированный характер, в связи с чем встает вопрос о факторах «мягкой силы», поддерживающих экспансию немецких корпораций на зарубежных рынках. Одним из них, безусловно, является немецкий язык, косвенно реализующий маркетинговую функцию и участвующий в создании привлекательного образа товаров и услуг германского производства.

На современном этапе предоставление качественных услуг в области университетского образования воспринимается как серьезный инструмент «мягкого» влияния на процесс социализации молодых людей. Создание привлекательного образа страны через ее успехи в сфере образования, высокое качество последнего, а также пребывание в числе мировых лидеров в научной области позволяет Германии рассчитывать на приток интеллектуальных ресурсов и, как следствие, обеспечение долгосрочного инновационного роста.

На этом пути ведущие германские центры не раз сталкивались с немалыми трудностями, которые они научились преодолевать. Большинство проблем вытекает из недостаточного финансирования учреждений высшего образования. В среднем на протяжении 2000-х годов расходы на одного студента, получавшего высшее образование в ФРГ, уступали аналогичному показателю в США почти в три раза [8, s. 10]. Уменьшилось количество немецких студентов, поступавших на технические, инженерные, естественнонаучные специальности, а в связи с этим сокращалось государственное финансирование вузов. Германские университеты взяли на вооружение политику привлечения иностранных студентов и аспирантов из стран Центральной и Восточной Европы, а также Турции, выполняющих научно-исследовательскую работу и занимающихся разработкой инновационных технологий и продукции. Были приняты меры по изысканию средств на повышение размера стипендий, выплачиваемых иностранным студентам, обеспечению совместимости учебных программ германских вузов с аналогичными программами зарубежных университетов, признанию иностранных дипломов и исследовательских услуг. Линия на интернационализацию науки и научных исследований воплотилась в формировании сети германских центров науки и инноваций по всему миру.

Элементами инфраструктуры, снабжающими ключевые группы иностранных целевых аудиторий исчерпывающей информацией о Германии, представляющей ее в выгодном свете, выступают институты государственно-частного партнерства. Существенную нагрузку по осуществлению информационной

работы за рубежом в рамках внешней культурной политики несет Институт им. Гете, который уделяет особое внимание коммуникативным аспектам деятельности в области культуры, разработке культурно-просветительских программ и реализации конкретных проектов с целью выигрышно представить немецкую культуру в глазах международной общественности.

Расширению международных контактов ФРГ в области образования способствует функционирование Германской службы академических обменов (ДААД), специализирующейся на развитии связей в сфере высшей школы путем обмена студентами и учеными с помощью информационно-издательских программ и консультационных услуг. ДААД выступает в качестве экспертной инстанции при формировании и осуществлении культурной политики ФРГ за рубежом.

Учитывая настроения западной общественности и отдавая себе отчет в большом потенциале влияния этого ресурса, Германия традиционно берет под контроль положение с правами человека в разных странах. При этом все чаще обнаруживается практика двойных стандартов, особенно в рамках мониторинга и оценки результатов выборов.

К числу основных направлений деятельности дипломатических миссий ФРГ за рубежом относится подготовка регулярных сообщений о ситуации в области законодательства в целом и обеспечения прав человека в частности. Если по результатам мониторинга германская сторона обнаруживает какие-либо угрозы или нарушения, то использует разнообразные формы воздействия на ситуацию: комментарии со стороны компетентных лиц, официальные обращения к правительству и парламенту соответствующего государства, апелляции к наиболее влиятельным представителям гражданского общества в этой стране (журналистам, адвокатам, руководителям частных фондов, правозащитным организациям). Кроме того, Германия стремится расширять двусторонние и многосторонние контакты по линии обеспечения контроля над соблюдением прав и свобод человека.

Как доказывает немецкий опыт, возможности «мягкой силы» в современном мире достаточно велики. Для того чтобы ее потенциал превратился в материальную выгоду, государство должно выстроить четкую политическую стратегию на международной арене, обеспечить институциональную основу реализации «мягкой силы», а также построить эффективную коммуникативную модель общения с внешним миром.

Библиографический список

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 нояб. 2016 г. № 640). URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ZIR5c3NHwMKfbx-UqKvNdqKhkA4vf3aTb.pdf>
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ В.В. Путиным 12 февр. 2013 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptfCkV6BZ29/content/id/122186
3. Лагкана Т., Мук В. Soft power Таиланда // Дискурс-Пи. 2016. № 2. С. 77–81.
4. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 14–21.

5. Россия впервые вошла в топ-30 рейтинга стран «мягкой силы». URL: <http://ria.ru/world/20160614/1446947119.html>

6. Самые влиятельные женщины мира-2016: рейтинг Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/rating-photogallery/322067-samye-vliyatelnye-zhenshchiny-mira-2016-reiting-forbes/photo/1>

7. Brandt W. Bedeutung und Aufgaben der Auswärtigen Kulturpolitik // Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. 1967. № 7.

8. Auswärtige Kulturpolitik 2007 / 2008: Bericht der Bundesregierung. Berlin, 2008.

E.V. Gulina

**Modeling of International Relations
in the Central Asian Region
on the Principal of Involvement**

Issues on homeostatic theory application to international relations are considered for regional systems security and stability model creation. External actors' involvement into the system is analyzed by the example of Russian-Chinese interaction in Central Asia.

Key words and word-combinations: homeostatic theory, involvement, Central Asia, Russia and China.

Рассматриваются вопросы применения наработок гомеостатики к международным отношениям для построения модели обеспечения безопасности и стабильного развития региональных систем. Анализируется сопричастность внешних акторов системы на примере взаимодействия России и Китая в Центральной Азии.

Ключевые слова и словосочетания: гомеостатика, сопричастность, Центрально-Азиатский регион, Россия и Китай.

DOI 10.22394/1682-2358-2017-1-32-38

УДК 327
ББК 66.4(0)

Е.В. Гулина

**МОДЕЛИРОВАНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ
РЕГИОНЕ
СОГЛАСНО ПРИНЦИПУ
СОПРИЧАСТНОСТИ**

Способность политической системы находиться в устойчивом состоянии, адаптироваться к изменяющимся условиям детерминирована ее стремлением к самосохранению и развитию за счет сбалансированности организации и самоорганизации, управления и самоуправления, нелинейности и цикличности процессов и др. [1, с. 579]. При этом под устойчивостью понимается способность системы преодолевать внешние деструктивные воздействия, то есть противостоять внешним угрозам [2, с. 18].

Продуктивное содержание понятия устойчивости политической системы предлагает гомеостатическая теория, в последние годы применяемая не только в теории